

ВЕЛИКИЕ

АВАНТЮРЫ
И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
В МИРЕ ИСКУССТВ

100

историй, поразивших мир

Елена Коровина

Елена Анатольевна Коровина
Великие авантюры и
приключения в мире искусств.
100 историй, поразивших мир

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946105

*Великие авантюры и приключения в мире искусств. 100 историй,
поразивших мир: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03666-7*

Аннотация

Откройте эту книгу – и на ваших глазах произойдут самые таинственные и загадочные происшествия, разыграются самые романтические истории, раскроются самые гениальные аферы, связанные с деятелями искусства и бессмертными шедеврами. Вы узнаете, как из Лувра абсолютно незаметно для всех была украдена «Мона Лиза». Как гениальный парфюмер Генрих Брокар и гениальная выдумщица Шарлотта Брокар отмыли «немытую Россию» и как на всемирном конкурсе российские духи победили французский парфюм. Почему великого живописца Караваджо церковь называла Нечестивцем. Что за проклятие преследовало владельцев бесценного синего бриллианта «Хоуп». Как английские шекспироведы опознали утерянные рукописи Великого Барда и что выяснилось в

действительности. Как виртуозный мошенник Виктор Люстиг смог продать саму Эйфелеву башню и о многих других авантюрах, от которых и у современников, и у потомков захватывало дух.

Содержание

Несколько слов от автора	5
Хранитель монастырских тайн, или	8
Неразгаданная смерть Антонио Корреджо	
Пармские страсти	9
Авантюры тихой жизни	20
Сокровища старинной обители	26
Чисто английские подделки	32
Обретенные автографы Шекспира	33
Неизвестная пьеса Великого Барда	39
Тайна старинной табакерки	45
Странная кража на парижской выставке	46
Загадка фарфоровых мопсов	51
Секретный подарок курфюрста	56
Великая эпическая мистификация	62
Явление Мадонны	69
Сокровища старинного рода Литта	70
Загадочный граф Скавронский	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

**Елена Анатольевна
Коровина
Великие авантюры и
приключения в мире
искусств. 100 историй,
поразивших мир**

Несколько слов от автора

Авантюры в искусстве – явление совершенно особенное. Нет, конечно, и здесь частенько происходят авантюры в классическом их понимании, где присутствуют приключения, аферы, розыгрыши, обманы. Таковых историй в этой книге множество. Однако в мире искусств авантюры приобретают еще и другой аспект. Ведь любое новое понимание, новый взгляд на привычное, новые установки в творчестве в какой-то степени тоже наполняются духом авантюризма. Вот, например, художник Сёра создал метод пуантилизма – написание картин не мазками, а точками. И современники называли его авантюристом, а его затею – авантюрой чистой

воды. Но в XX веке выяснилось, что именно точечные градации цвета будут применяться и в телевидении, и в сотовых телефонах, и в компьютерах – ну и далее, как говорится, везде.

Оказалось, что истинное творчество всегда несет в себе дух здоровой авантюры, если, конечно, оно по-настоящему новое, реформаторское, устремленное в будущее. И в этом мире творчества события и страсти бушуют часто сильнее, чем в самом захватывающем авантюрном и приключенческом романе.

И надо сказать, что люди творческие – будь то живописцы или писатели, ювелиры или парфюмеры, актеры или историки, – все они, единожды почувствовав атмосферу авантюры и триумфа, сенсации и успеха, остаются верны ей навсегда. Очень часто одна авантюра их жизни сменяется другой, за ней следует третья, а потом и четвертая. Да и кто сможет их пересчитать? И все эти авантюрные события настолько яркие и захватывающие, что требуют каждый раз своей особой истории. Так вырастает цепь приключений, из которой строится судьба творчества.

К тому же часто события начинаются в одном веке, а заканчиваются века спустя. Поэтому авантюры и приключения, о которых идет речь в книге, невозможно было разместить в хронологическом порядке. Да и то – какая хронология у блестящих авантюр?!

Зато они интересны – то волнующи, то мистичны, то по-

разительны, а то и трагичны. Но всегда и во многом поучительны, особенно для потомков.

Словом, читайте, не пожалеете. Потом еще и знакомым сообщите – блеснете даром рассказчика захватывающих историй.

Хранитель монастырских тайн, или Неразгаданная смерть Антонио Корреджо

Смерть великого живописца итальянского Возрождения Антонио Корреджо до сих пор остается загадкой. Но существует устойчивое предание о том, что все связано с сокровищами старинного монастыря и древними айнами. Ох уж эти сокровища и тайны!..

Пармские страсти

Голова гудела, руки и ноги саднило. Наверное, он до крови ободрал их, когда падал. Ох нет, он не падал – его толкнули. В темноте. В овраг на острые камни. Он должен был разбиться насмерть. Но остался жив...

Антонио Корреджо вздохнул и поднялся, пошатываясь. Темные дела начали твориться кругом. А все из-за проклятых монастырских тайн! Ох, не надо было ему браться за странные росписи обители Сан-Паоло.

Говорят, в старые благословенные времена монастыри были местами покоя и уединения. Конечно, может, так и было в богатых Флоренции и Венеции. Хотя ныне и там свары. И везде одни разговоры – про деньги, которых вечно не хватает. Ну а в пармских монастырях, где чаще всего работал Корреджо, и всегда было беспокойно. Да и откуда взяться покою – вся область Эмилия, в которую входят и Парма, и деревушка Корреджо, вечно служила разменной монетой в территориальных распрях, переходя из рук в руки. За земли спорили то французы, то Рим. И только в 1530 году все определилось – Эмилия вошла в Папскую область.

Но в нынешнем, 1534 году стало совсем худо. На дорогах появились разбойники и грабители. И как только не бояться Божьего суда?..

Кряхтя и постанывая, Антонио открыл замок своей две-

ри. Напавшие на него даже ключи не взяли. Выходит, охотились не за его имуществом. Значит, и не разбойники, и не грабители. Но кто тогда?..

Голова гудела, ноги еле держали Антонио. Ничего! Он отлежится. Он выздоровеет. Дрожащими пальцами художник задвинул за собой засов, – вот он и дома. Никогда раньше жители деревушки не запирались изнутри – у них и брать нечего. Корреджо всегда славилась тишиной и порядком. И вот настали лихие времена. То разбойники, а то и похуже.

Неделю назад в округу понаехали какие-то особые папские дознаватели. Хватали народ прямо на улицах, тащили на допрос. Интересовались слухами о женской обители Сан-Паоло, что в Парме. Тоже мне тайны! Да вся округа уже пару месяцев судачит, что после смерти матери настоятельницы из монастыря пропали все накопленные веками богатства, все дорожные пожертвования. Куда делись – никому не ведомо. Вот и слетелись на поиск пропавших сокровищ и грабители, и разбойники, ну а теперь и дознаватели папы римского.

До чего дошло – на прошлой неделе пропал сам синьор Ареначчи, доверенный слуга маркизы д’Эсте, который много лет занимался вкладами этого всесильного семейства в монастыри Пармы. Кто похитил его – разбойники или папские слуги? Всем нужны сокровища монастыря.

Стража д’Эсте искала Ареначчи три дня – нашла мертвого в придорожном колодце. И ведь это доверенный слуга

всесильных господ! А кто станет искать простого человека, такого как Антонио?! Хорошо, все давно забыли, что и он когда-то писал фрески для монастыря Сан-Паоло. Все-таки почти пятнадцать лет прошло...

Антонио тяжело осел на табурет у двери. Надо посидеть минутку, пока голова успокоится. Табурет заскрипел под его могучим телом, и художник любовно провел пальцем по старому дереву. Этот табурет он помнит столько же, сколько и себя...

Антонио родился в этом самом доме 46 лет назад – в 1488 году. Он помнит, как на этом табурете сидела его милая матушка, как сам он восседал на нем с деревянной лошадкой в руках. Лошадку выточил для племянника дядя Лоренцо – младший брат его отца. Дядя слыл художником-самоучкой – умел немного рисовать, немного ваять. Но отец Антонио, синьор Аллегри, не уважал младшего брата. Отец был купцом, не слишком богатым, зато почтенным. Он редко приезжал в родовой дом в деревушку Корреджо, ведь его лавка находилась в Модене. Туда он и забрал сына, едва тот подрос. Отец не пожалел денег на образование и определил наследника сразу к нескольким учителям. Антонио изучал и математику, и литературу, и даже медицину. Каким-то чудом отцу удалось пристроить сынишку к лучшему лекарю современности – Джованни Ломбарди. Ох и помогла же потом Антонио именно эта учеба! Ведь Ломбарди, как смог, открыл ему тайны анатомии. Отец тогда радовался – сын станет ме-

диком. Но Антонио стал живописцем – и тела на его картинах всегда выглядели не плоскими и нарисованными, а живыми и дышащими. Позже благодарный Антонио даже написал портрет Джованни Ломбарди, правда, назвать его именем учителя постеснялся, подписал просто «Медик».

Ох уж эта его вечная робость-стеснительность! Из-за нее он не смог сразу сказать отцу, что хочет стать художником. Столько времени потерял в юности! Конечно, у своего дяди (того самого, который вырезал ему в детстве игрушки) он учился понемногу и скульптуре, и живописи, но ведь дядя мало что умел. Но однажды Антонио увидел в Болонье картину Рафаэля «Святая Цецилия». Ее красота привела юношу в такой восторг, что он воскликнул: «Ведь и я могу быть художником!» И вот, едва вернувшись домой, Антонио набрался храбрости и объявил, что станет живописцем. «С нас хватит и одного мазилки-неудачника, твоего дяди Лоренцо! – горестно возопил отец. – Ты еще больше обесчестишь фамилию Аллегри!» И тогда сын отрезал: «Я возьму псевдоним!» Так он стал зваться Корреджо – по имени своей родной деревушки. Но если бы он тогда знал, что, поменяв имя, он поменяет судьбу!..

Аллегри – значит «веселый, радостный». Ушло имя – ушла и веселость. Оказалось, творчество – тяжеленный труд. К тому же обычно юные живописцы начинают учебу в 10–12 лет, ну а Антонио Корреджо начал обучение в 20 лет. Да и учитель, Бианка Феррари, не ахти какой умелец попался. Но

кого найдешь в провинциальной Модене?..

Хорошо, что на усердного великовозрастного ученика обратил внимание граф Манфреди, большой поклонник античного и современного искусства. Он стал поручать юноше кое-какие картины, подбадривал, как мог. Он даже спас Антонио в 1511 году, когда в округу пришла чума. Граф выехал в Мантую со всем семейством и забрал Антонио с собой. Так Корреджо попал в город, который славился своими культурными традициями. В домах мантуанской знати начинающий живописец увидел много картин и фресок, написанных мастерами Флоренции и Рима, познакомился с живописью великих Андреа Мантеньи и Леонардо да Винчи. Именно в Мантуе Антонио Корреджо и встретил свою будущую покровительницу – красавицу маркизу Изабеллу д'Эсте.

Эта влиятельнейшая матрона считалась «первой дамой Италии». Она была блестяще образованна, остроумна и темпераментна, играла на музыкальных инструментах и пела, даже обожала заниматься картографией и астрологией – предметами весьма опасными по тем временам. Ее личные сундуки вместо драгоценностей были забиты старинными фолиантами, хотя в замке ее супруга, Джанфранческо II Гонзаго, маркиза Мантуи, и находилась огромная библиотека. Но Изабелла хотела иметь личные книги, чтобы читать их в любое время дня и ночи.

С особенной страстью Изабелла собирала предметы искусства и покровительствовала художникам. Она вносила

огромные деньги для росписей и реставраций соборов и монастырей. Она верховодила всеми делами Мантуи, держа мужа, сыновей и дочерей в прямом смысле в узде: каждое утро огромное семейство во главе с маркизой отправлялось на конную прогулку. Конюшни д'Эсте славились по всей стране. Ну а лучшим конюхом считался синьор Мерлини. Как же давно это было!..

Антонио, охая, повертел головой и тяжело поднялся. То ли родной табурет помог, то ли воспоминания, но кажется, он уже сможет добраться до топчана, который служит ему кроватью. Он поднялся на ощупь, не зажигая светильника. От усилий в глазах опять потемнело, зато отчетливо всплыли воспоминания.

Дочь конюха Мерлини Антонио впервые увидел, когда она была еще 9-летней девчонкой. Потом, приехав в Мантую уже через 9 лет – в 1520 году, Антонио узнал, что синьор Мерлини давно умер, а его неуклюжая дочь превратилась в волоокую красавицу с волосами цвета червонного золота. Но одно было плохо: Джиролама-девочка была бойка и весела, но Джиролама-девушка стала робка и боязлива. Часто Антонио находил ее в слезах. Не понимая, спрашивал: «Кто обидел?» Но девушка только мотала головой и убегала в страхе. Антонио уже решил было выследить ее обидчика и надавать ему оплеух – разве можно запугивать таких юных красавиц?! Но все оказалось и проще и сложнее: Джиролама боялась умереть.

«Когда мне было шесть лет, умерла матушка. Потом, когда мне было уже одиннадцать, умер отец. И тогда я поняла, что мне тоже скоро придется умереть, – дрожа, объяснила однажды Джиролама. – Я написала завещание. Но его не признал нотариус. Сказал: приходи в пятнадцать лет. Думал, я шучу. Но я пришла...» – «И что же ты завещала?» – удивился Антонио. «Свою собаку Хлою». – «И кому?» – «Старшему сыну хозяйки, монны д'Эсте – Федериго Гонзаго. Хозяйка сказала, он станет герцогом и всегда сможет прокормить мою старую собаку. Но Хлоя умерла!.. Значит, скоро моя очередь...»

Антонио смотрел в полные ужаса глаза девушки и понимал – надо сделать что-то. Немедленно, сию минуту! Иначе этот страх останется с Джироламой навсегда и просто съест ее жизнь.

Художник выхватил большой лист картона и карандаш. «Ты бывала в покоях хозяйки?» – спросил он. Девушка робко кивнула. «Видела там картины и рисунки старых мастеров?» Снова еле заметный кивок. «Тогда ты знаешь, что картина бессмертна. Но я, как художник, могу тебе сказать, что бессмертной остается не только картина. Душа изображенного на ней человека тоже становится бессмертной». – «Церковь учит нас, что все души бессмертны, – вздохнула Джиролама. – Но ведь они только на Небе...» – «Ну а душа человека с картины будет бессмертной и на земле тоже! – воскликнул Антонио. – Я нарисую твой портрет, и ты будешь

жить вечно. Ну а чтобы ты не сомневалась, я напишу тебя в виде одной из святых. Ты ведь знаешь, что святые точно бессмертны».

Так в лихорадке и восторге любви появилась его картина «Мистическое обручение святой Екатерины». И милый облик Екатерины, обручающейся с самим Христом, был первым изображением Джироламы.

«Считай, что ты, как и Екатерина, обручилась с бессмертием! – шутил Антонио. – Осталось только нам обвенчаться на нашей грешной земле!»

Так они и сделали. Уже супругами вернулись в Корреджо. И первым подарком Антонио юной жене стала крошечная смешная собачка. Вот тогда-то Джиролама впервые радостно улыбнулась. Господь свидетель, это была улыбка ангела. Правда, потом, когда через год у них родился сын, Антонио понял, что все-таки ошибся. Его Джиролама улыбалась не как бесплотный ангел – как земная Мадонна, баюкающая своего сына.

Сколько Мадонн написал с жены Антонио, и не перечислишь! Собратья-художники презрительно косились на изображения Джироламы – сейчас ведь в моде лики Мадонн-леонардесок, то есть красавиц, представляющих тот тип красоты, что рисует великий Леонардо. Конечно, Корреджо тоже отдал дань этой моде. Его «Мадонна с тарелкой» или «Мадонна со святым Франциском» написаны в подражание Леонардо. Но нельзя же все время слепо копировать каноны,

пусть даже созданные самим да Винчи! К чему срисовывать леонардовских красавиц или ангелочков, если Антонио может куда ярче изобразить своих жену и детей? Когда Корреджо написал алтарную картину «Мадонна со святым Иеронимом» для церкви Сант-Антонио в Парме, даже недоброжелатели признали, что его Мадонна с ликом Джироламы прелестна, а изображенный младенец – настоящее чудо. Его даже прозвали «Смеющимся», потому что каждый, кто видел этот заразительный детский смех, и сам начинал смеяться.

Антонио да Корреджо. Мадонна со святым Иеронимом

Но собратья-профессионалы все равно кривились: «Этот Антонио только и может, что малевать своих толстокожих чад да клушу-жену!» И чем не угодила им Джиролама? Что только они про нее не выдумывали! Что, мол, она криклива и тяжела на руку, держит мужа под каблуком, бьет его и не дает общаться с приятелями. Да и сам он хорош! Скуп и прижимист. Никогда не пригласит друзей ни на обед, ни на вечеринку, даже в тратторию не позовет. Идиоты! У него же было четверо детей – после сына родились еще три престные дочурки. Так неужто он должен отрывать деньги от семьи и отдавать на очередную попойку?! Еще не хватало! Корреджо никогда не любил шумных компаний, а уж упиваться дешевым вином да злословить заплетающимся языком о чужих работах – увольте! Вот и считают художники Антонио нелюдимым и неприятным. И каких только историй о нем не рассказывают!

Авантюры тихой жизни

Как-то раз в Корреджо неожиданно приехал Бернардино Кампи, с которым Антонио иногда вместе работал. Без стука ворвался в дом, крича: «Горе нам, горе!» Хлопнулся перед Джироламой на колени, а увидев выбежавшего из мастерской Антонио, начал, дрожа, отрешиваться от него, как от черта. А тут в дом вошел еще и Джулио Романо, известнейший живописец Рима, между прочим, любимый ученик самого Рафаэля. Оказывается, Кампи привез его с собой. Увидев Антонио, почтенный римский художник тоже повел себя странно: начал читать молитву. Корреджо только крутил головой от одного к другому. И тут Кампи выдохнул: «Ты живой?!», а Романо даже ткнул Антонио в руку, дабы убедиться, что он – не холодный труп.

Оказалось, злые языки пустили слух, что Антонио Корреджо скончался. Да еще при каких обстоятельствах! Будто некий скупой синьор из Пармы заплатил Антонио 60 скудо мелочью. Синьор подумал, что мешок мелочи живописец не возьмет. Но Корреджо будто бы оказался куда жаднее заказчика. Он не только взял этот мешок мелочи, но и сам потащил его в свою деревню, чтоб не платить за перевозку. А в тот день стояла страшная жара. Разгоряченный Антонио зашел в тратторию, да по скаредности своей пожалев денег на стакан вина, попросил бесплатно принести воды. А та оказа-

лась такой холодной, что жадина Корреджо простудился и... помер.

Ну и история! Антонио, слушая ее, только зубами скрипел: как же нужно завидовать, чтоб сочинять такие гадости!..

«Только зачем ты привез сюда синьора Романо?» – растерянно спросил он у Кампи. «Так ведь я думал, что придется платить за твои похороны. А у меня денег нет. Вот я и привез его...» – «Выходит, ты, Антонио, сэкономил мне немало скудо! – засмеялся Джулио. – Ну вы пройдохи-авантюристы! Может, все затеяли, чтобы выманить меня из Рима?»

И все дружно захохотали. Даже Джиролама робко улыбнулась. Она вообще была пуглива в присутствии посторонних. Может, поэтому Антонио и не звал к себе гостей.

Да и какие гости! Он так редко бывал дома, что ценил каждую минуту, проведенную с семьей. Ведь ему приходилось постоянно уезжать – в деревне заказчиков не найти. Основными местами его работы стали церкви и монастыри Пармы. В начале 1520-х годов он расписал огромный купол церкви Сан-Джованни Эванджелиста. Сюжет был заказан традиционный – «Видение Иоанна Богослова на Патмосе», а вот замысел Корреджо решил сделать новаторским, почти авантюрным, – показать, как темный, низкий купол собора словно раскрывается в безграничную небесную синь. То-то обомлеют молящиеся, когда поднимут голову к куполу церкви, – над их головой будет не купол, а небо с облаками!

В высшей точке купола художник изобразил Христа, оку-

танного небесным светом. А снизу к Спасителю стремятся святые угодники. Именно такое «поднятие на воздушных» привиделось некогда Иоанну Богослову. Ну а стоя под куполом, расписанным Корреджо, и прихожане, пришедшие в церковь, могли увидеть фигуры, поднимающиеся на небо. Разве плох замысел? А вот ретрограду настоятелю не понравился. Он даже плюнул в сердцах: «Что это за вид?! Голые ноги мелькают в воздухе, как лягушачьи лапки. А мы, грешные, на них палимся. Разве это святая живопись?!»

И несдобровать бы художнику из-за своей смелой фантазии, если б не истинное чудо: в их пармскую провинцию пожаловал живописец самого императора Карла V – великий Тициан. Настоятель показал ему новую купольную роспись и спросил: «Стоит ли эта фреска тех денег, что пришлось за нее заплатить? Или это просто авантюра?»

Тициан удивленно поднял брови и, воздев руки к куполу, воскликнул: «Авантюра?! Да если вы наполните весь этот храм золотом вплоть до купола, и тогда не сможете заплатить того, что стоит эта великая роспись!»

Настоятель чуть не лопнул от злобы. А вот простые монахи обрадовались похвале Тициана – им нравились экспрессивные работы Корреджо. Настоятель решил отыгаться. Конечно, замазать купол он уже не мог, но решил стереть другую фреску – «Благовещение». Дело обстряпал по-хитрому: объявил ремонт и велел замазать фреску. Но не тут-то было! Хитрые братья-монахи возвели прямо перед стеной,

на которой была написана фреска, строительные леса, а стену прикрыли холстиной. Настоятель решил, что его указание выполнено, а монахи потихоньку срезали кусками фреску со стены и перенесли в дальнюю комнату, куда никто не заходит. Корреджо навещался туда, чтобы укрепить свое творение на новом месте, но дал слово никому не рассказывать о тайной фреске.

Ох уж эти монастырские тайны! Корреджо узнал их множество, работая в разных обителях. Для монастыря бенедиктинцев в той же Парме Антонио написал крохотную картинку «Христос в Гефсиманском саду». Никак не мог понять: отчего такой размер – в ладонь? Стены монастыря же громадные. Оказалось, настоятель хочет поместить картинку в своей келье, чтобы прикрыть секретный кирпич, за которым расположен тайник. И опять пришлось давать слово, что никому не расскажет о секрете.

...Антонио вздохнул. И к чему он вспоминает?! Обо всем этом давно пора забыть! Надо заснуть, а значит, лучше подумать о чем-нибудь хорошем. Ведь было же счастье!..

Корреджо вспомнил, как создавал свои любимые картины – цикл о любви римского бога Юпитера: «Юпитер и Антиопа», «Юпитер и Ио», «Леда» и «Даная». Герцог мантуанский Федерико II Гонзаго, сын Изабеллы д'Эсте, вознамерился преподнести императору Карлу V особый дар, вот и вспомнил, что император обожает живопись. «Создай нечто, что переплюнет Тициана! – повелел Федерико. – А уж я за-

плачу по-царски!»

Легко приказать, но как выполнить? Тициан же великий живописец. Вот Корреджо и придумал взять сюжетом и чувствами – написать цикл о Любви. Конечно, Юпитер в любви был забавник, соблазнял красавиц необычно – то лебедем прикидывался, то золотым дождем, то туманным облаком, а то и просто страстным бычком. Однако Корреджо задумал показать не соблазнителя, а земных женщин, готовых на великую любовь. Именно они оказывались настоящими богинями – нежными, страстными, самозабвенными. И тела этих нагих красавиц виделись живописцу словно светящимися изнутри золотым светом счастья.

Дело было за малым – уговорить Джироламу позировать обнаженной да еще и в откровенных позах. Почтенная женоушка отнекивалась, как могла, даже всплакнула. Но Антонио впервые оказался неумолим: «Не будешь позировать – поеду в Парму искать жриц любви!»

Джиролама в последний раз всплакнула и... разделась. Не толкать же мужа в объятия потаскушек!

Ну а чтобы загладить свой грех, Корреджо написал любимую женушку на картине с самым святым сюжетом – «Рождество». Там Мария, с лицом прелестной Джироламы, благоговейно взирает на своего родившегося младенца. А кругом – ночь, тьма. Но людям, столпившимся вокруг, светло, ибо чистый и яркий свет исходит от самого младенца.

Антонио вспомнил, как, показав картину восхищенной

жене, улыбнулся: «Ну теперь ты точно бессмертна!»

Идиот! Он забыл, что судьба-злодейка только и ждет, как бы повернуть жизнь к худшему. Забыл, что, поменяв в юности имя, лишился ангела-хранителя своего рода. В середине 1530 года из Флоренции пришла чума. И эта безжалостная гостья забрала у него Джироламу!..

Только беспощадной судьбе и этого оказалось мало! Год назад, весной 1533 года, Федерико Гонзаго вызвал его в Мантую – решил заказать продолжение цикла о похождениях Юпитера. Антонио тогда покряхтел, помотал головой и согласился. Подумал: а вдруг ему станет легче, если он напишет еще несколько изображений любимой Джироламы?

Кретин! Как он мог забыть, что эти скабрзные сюжеты приносят несчастье?! Как вообще мог ввязаться в эдакую языческую авантюру?! Польстился на обещанные большие деньги, подумал, что отложит их на приданое дочкам.

Уже возвращаясь и подъезжая к деревушке, Антонио почувал неладное. В воздухе пахло гарью, первый же дом встретил его криком и слезами. Пришпорив лошадь, Антонио повернул к своему дому, но вместо него увидел пепелище. Его красавицы дочурки сгорели вместе с домом. Только один сын сумел выскочить.

Сокровища старинной обители

С тех пор Корреджо и стал нелюдимым молчуном. Сына отправил к родственникам в Модену, дом восстанавливать не стал, сам переселился в хибару во дворе. Комната да мастерская – ему большего не требуется. Кисть и краски – вот и вся семья. Ну а на них много денег не надо. Так что копить больше нечего. Может, потому Антонио отправился вчера в тратторию, да не в свою деревенскую, а в большую – ту, что на проезжей дороге. Ну просто черт дернул!..

Сел, правда, в сторонке. Ни с кем не общался. Потягивал свое винцо да молчал по привычке. Но вдруг к нему подсел какой-то тип не из местных. Заговорил про пармский женский монастырь Сан-Паоло. Речь у незнакомца оказалась не простонародная, а вполне литературная, значит, образованный человек. Горевал он, что после кончины настоятельницы, матушки Джованны, в обители не обнаружилось никаких средств. А ведь монастырь собирал их веками! «Представляете, синьор, сколь странный случай! Прежде чем передать дела новой настоятельнице, сестры во главе с келарией решили сделать опись имущества. А оказалось, что ничего и нет!»

Незнакомец выразительно взглянул на Антонио, ожидая его реакции. Но художник, по своему обыкновению, молчал. Незнакомец прибавил страсти в голосе: «Представьте – ни

золота, ни драгоценных камней, ни инкрустированных молитвенников, ни золотой и серебряной посуды. А ведь все это было. Но пропало куда-то!» Незнакомец снова воззрился на Антонио. Но тот опять смолчал. И тогда незнакомец проговорил: «Одно богатство обители осталось – фрески на стенах. Да и те странные, нелепые какие-то, будто и не христианские!» И тут Антонио не выдержал: «Никакие они не странные!» – «А вам откуда знать?» – покосился собутыльник. «Я же их рисовал!» – выдохнул Антонио.

Ну и к чему он разговорился? Сам же молился, чтоб никто не вспомнил, что он работал по заказу покойной настоятельницы. Сам же опасался и разбойников, и папских дознавателей. Знал же, что все они рыщут по округе в поисках пропавших сокровищ. И вот надо же – не утерпел, полез защищать свои фрески. «Все сюжеты вполне дозволены церковью! – ляпнул он. – Мать настоятельница сама их выбирала».

«Понимаю, – поддакнул незнакомец и щелкнул пальцами мальчишке-слуге, чтобы принес новую бутылку. – Мать Джованна из старинного пармского рода Пьяченца, а значит, получила отличное образование. Я слышал, она увлекалась античной историей, даже писала трактаты. – Незнакомец подлил вина в кружку Антонио и осведомился: – Наверное, трудно было ей угодить?»

«Вовсе нет», – проговорил Антонио, выпивая. И то ли вино развязало ему язык, то ли возникло желание поговорить хоть с кем-то о давних счастливых днях, но он вдруг

начал рассказывать: «Я тогда был уже в возрасте. Шел 1517 год, мне двадцать восемь лет стукнуло. Впрочем, и Джованне ди Пьяченца было всего чуть за тридцать. Но ее образование и разумение было куда выше моего. К тому же она – мать настоятельница, вот и указала мне, что хочет лицезреть на стенах своей обители. Например, стены и свод трапезной приказала расписать как веселую беседку, обвитую зеленью. Пусть, мол, сестры, вкушая хлеб, радуются. А в своих покоях приказала изобразить сюжеты античного Рима, богов и героев. Я для нее и Юпитера изобразил, и трех танцующих граций, и богиню Диану на колеснице, и Гермеса, бога торговли и богатства».

«Богатства? – Глазки незнакомца алчно блеснули. – Так, может, и сокровища где-то рядом с ним?» Антонио только саркастически фыркнул: «Ага, как же!.. В какой-нибудь тайной нише...» Художник икнул. То ли сказалась крепость вина, то ли просто он давно не пил, но голова загудела, и он проговорил заплетающимся языком: «Выйду на улицу, пусть ветерком пообвеет!»

Но на ветру легче не стало. Антонио прошел несколько шагов, прислонился к дереву и услышал шаги. Двое молодцов подхватили его под руки и поволокли к оврагу. Потом он упал, ободрав руки и ноги. Всю ночь провалялся там и только под утро приковылял домой. И вот теперь лежит на деревянном топчане, проклиная свою несдержанность. Зачем он потащился в тратторию, зачем развязал язык с незнаком-

цем?..

Теперь-то он понимает, что произошло. Судя по образованной речи, его собеседник был отнюдь не простым грабителем, а папской ищейкой, собирающей сведения о пропавших драгоценностях из монастыря. А он-то, идиот, рассказал про тайную нишу за спиной Гермеса, бога богатства! Вот собеседник и поверил в его рассказ. Ну а раз узнал что хотел, решил избавиться от художника. Небось его подручные и сбросили Корреджо в овраг. Думали – не выберется. А он выбрался. И пришел домой.

Художник, постанывая, перевернулся и закрыл глаза. В памяти всплыла статная фигура матери настоятельницы из Сан-Паоло.

«Вот здесь напиши мне Диану, богиню-охотницу. Пусть она правит колесницей», – говорила она. «Но, матушка! – возразил Антонио. – На таком узком простенке не уместится богиня и колесница». – «И не надо! Напиши Диану, которая держит вожжи, словно указывая рукой на дверь напротив». – «А где же кони?» – «Ускакали! – засмеялась мать Джованна. – Только задние копыта блестят. Так и изобрази, чтоб сразу было видно, чего не хватает». Корреджо понимал с трудом, переспрашивая: «А чего не хватает, матушка?» Настоятельница опять смеялась: «Неужто не уразумел? Лошади головы не хватает с уздечкой да сбруей!» Все это было слишком мудрено для живописца. А настоятельница словно подтрунивала над его непониманием: «Главное, чтобы было

понятно направление, где искать». — «Что искать?» — удивился Антонио. «Не твоего ума дело! Ты рисуй».

Словно наяву Корреджо услышал звонкий смех настоятельницы. Так вот оно что! Художник рывком поднялся с топчана. Он разгадал загадку! Сокровища не в нише под изображением Гермеса. Настоятельница спрятала их совсем в другом месте. Опасаясь частой перемены властей (то власть французов, то Рима), хитроумная настоятельница соорудила тайник. А ключ к тайнику зашифровала на фреске. Диана протягивает руку по направлению к двери. Значит, тайник где-то там. Но за дверью длинный коридор, упирающийся в башню, которая зовется башней Луны. Тот, кто читал античные мифы, знает, что Диана — богиня Луны. Ну а в башне Луны есть давно заваленный подвал, в котором когда-то хранили уздечки и сбруи, то есть то, что надевали на ту часть коней, которую настоятельница велела не изображать на фреске. Недаром же она сказала: «Сразу будет видно, чего не хватает». Это тоже метафора: где недостающие сбруи коней, там и спрятанные сокровища. Так что пусть дознаватели из Рима ищут тайную нишу Гермеса — там ничего нет! И это справедливо — сокровища накоплены в Парме, пусть Парме и достанутся.

Антонио Корреджо снова откинулся на подушку. Завтра ему станет лучше, и он поедет в монастырь Сан-Паоло и попытается разобраться. А пока надо уснуть.

Однако поехать в Парму художник уже не смог. К утру

слабость не отступила, голова болела все сильнее, потом началась лихорадка. Узнав о том, что живописец при смерти, герцог Федерико Гонзаго послал к нему своего доверенного слугу. Сказал ли ему художник о своей догадке, неизвестно. Зато известно, что обитель Сан-Паоло своих сокровищ так и не нашла, зато богатство рода Гонзаго весьма увеличилось. Может, это случилось за счет присвоенных монастырских сокровищ?..

Антонио Корреджо об этом уже не узнал. Он умер от лихорадки 5 марта 1534 года. А с ними канули в Лету и тайны монастырей, в которых он работал.

Чисто английские подделки

Ни одна нация не относится ни к одному драматургу столь трепетно и обожаяще, как англичане к своему Уильяму Шекспиру. Вот и в лондонском доме Самюэля Айрленда, что стоял на Норфолк-стрит, в Стренде, в конце XVIII века существовал истовый культ Драматурга. Глава семьи, Айрленд-старший, вечерами запоем читал и перечитывал его пьесы и сонеты своим детям – сыну Уильяму (названному, естественно, в честь Барда) и дочери Джейн. Сам же Самюэль Айрленд еще в 1770 году открыл антикварную лавку, где торговал старинными фолиантами, книгами и картинами. В обществе он был известен как весьма образованный почитатель и собиратель древностей, знаток литературы и искусства. Два раза в месяц его магазин превращался в салон искусств – к общительному собеседнику приходили его многочисленные друзья из мира муз. Они обсуждали новинки искусств, устраивали «беседы и философии» за мятным чаем, входившим в моду. Вот только, о чем бы ни заходила речь, антиквар Айрленд постоянно вздыхал об одном и том же: «Как жаль, что от жизни Великого Барда почти не осталось свидетельств!» Словом, Шекспир был его навязчивой идеей.

Обретенные автографы Шекспира

Столь же фанатичным поклонником поэтического Лебеда с Эйвона вырос и сын Самюэля – Уильям Айрленд. Он родился в 1775 году и получил хорошее воспитание, хотя обычно папаша Самюэль и говаривал всем, что сынок его с неба звезд не хватает – безнадёжный парень. Конечно, и сам юноша понимал, что хоть его и называли Уильямом в честь Шекспира, но особыми талантами он не может похвастаться. В 18 лет Уильяма Айрленда взял на обучение старинный друг семейства, почтенный стряпчий мистер Бингли. Адвокатская практика Бингли была наследственной и существовала еще с начала XVII века. Так что юному Уильяму было чему поучиться. Частенько он натыкался на бумаги столетней давности – пожелтевшие, с выцветшими чернилами, скрепленные старинными сургучными печатями.

16 декабря 1794 года 19-летний клерк Уильям Айрленд доставал из дальнего угла стеллажа папку с нужными бумагами. За ней оказалась другая папка, небрежно кем-то давно притиснутая к стене. Такую большую кипу бумаг юноша не удержал, и в результате все оказалось на полу. Собирая листы, Уильям вдруг увидел под одним из них подпись, которую не смог бы спутать ни с какой другой, ведь именно ее отец чуть не ежедневно показывал сыну – единственный уцелевший автограф Великого Барда. Дрожащей рукой Уильям

поднес старинный листок к свету, и – о, чудо! – эта подпись действительно напоминала шекспировскую.

Сильвестр Хардинг. Уильям Генри Айрленд

Забросив все дела, юноша понесся к отцу – уж Айрленд-старший сумеет понять, подлинный это автограф Драматурга или просто коварное совпадение. Антиквар долго вертел пожелтевший листок в руках. Бумага была подлинной – вот водяные знаки, которые проставлялись только на дорогих листах елизаветинских времен. Чернила отливали тем самым иссиня-черным цветом, характерным для XVII столетия, когда для блеска в чернила добавляли земляные орешки особого сорта. Текст тоже походил на правду: некий домовладелец в городе Стратфорде, что на Эйвоне, Майкл Фрезер, заключал договор на аренду дома с Джоном Хеммингом. Со стороны домовладельца свидетельницей выступала его законная супруга, а со стороны Хемминга – Уильям Шекспир. И подпись его была точь-в-точь как на известной закладной 1612 года, а потом и как на его завещании. И еще... Айрленд-старший порылся в памяти... Джон Хемминг – это же друг Шекспира, которому он даже что-то завещал. Неужели все сходится и в руках Самюэля неизвестный автограф Шекспира?! Да это же сокровище, национальное достояние!

Впрочем, антиквар был осторожен. К этому его приучила профессия. Он пригласил к себе на Норфолк-стрит всех тогдашних шекспироведов. И все они пришли к единому заключению – автограф подлинный. Но когда все кинулись по-

здравлять Айрленда-старшего, тот вытолкнул на середину комнаты сына: «Вот истинный творец этой находки! Это ему повезло. Это он – надежда нашего шекспироведения!» И Уильям, которого отец впервые столь бурно похвалил при всех, залился краской, словно девица. Но как же была приятна эта похвала отца!

С тех пор молодой Айрленд удвоил старания по поиску древних документов – вдруг еще что найдется. Теперь он ездил по архивам, лазил на старые чердаки и скрипевшие колокольни полуразвалившихся деревенских церквушек. Удача пришла неожиданно. В 1795 году его приятель, актер Монтегю Толбет, познакомил друга с неким джентльменом из Стратфорда-на-Эйвоне, который показал юношам еще одну деловую бумагу, подписанную Шекспиром. Увидев новый раритет, Уильям умолил владельца позволить ему поискать старинные бумаги у него в доме. Правда, поиски не принесли желанных плодов, зато сыскалась давно затерянная бумага, подтверждающая право этого человека из Стратфорда на земельную собственность, о которой он даже не подозревал. На радостях стратфордец пригласил Уильяма в свой деревенский дом, где хранилось еще больше старинных бумаг. И вот там, в сундуках на чердаке, нашлось еще несколько бумаг, не только имевших отношение к Шекспиру, но и содержащих собственноручно написанные Бардом строки, не вошедшие в его великие пьесы «Король Лир» и «Гамлет». Еще нашлось несколько писем Барда и его друзей.

Все это Уильям вывалил в руки отца, ошалевшего от этих найденных сокровищ. Айрленд-старший благоговейно прочел письма к Шекспиру приятелей-актеров, послание самой королевы Елизаветы I к великому Драматургу. Дрожащей рукой развернул расписку самого Шекспира, выданную графу Лестеру в получении 50 фунтов. На глаза его навернулись слезы, когда он прочел любовное послание Барда к Анне Хэтеуэй, ставшей впоследствии его женой. И уж совсем бедняга антиквар чуть не лишился чувств, когда из одного из старинных свернутых листов на его ладонь выпал. локон Шекспира.

И вот уже вся страна осведомлена о том, что произошла находка века. Антиквар на собственные деньги издаст факсимиле текстов, записок, писем «Некоторые рукописи и деловые бумаги за подписью и печатью Уильяма Шекспира...» (1795). Королевская семья приглашает отца и сына Айрлендов на аудиенцию, где их чествуют как национальных героев.

Неизвестная пьеса Великого Барда

Через некоторое время появилась и новая сенсация – среди бумаг нашлась доселе неизвестная пьеса Шекспира «Вортигерн и Ровена». Конечно, ее еще надо было переписать со старинной рукописи, не отдавать же в типографию раритет. «Вот этим и займется мой сын!» – с гордостью сказал папаша Айрленд. Теперь-то уж ему не приходит в голову называть Уильяма «безнадежным парнем».

Правда, Айрленд-младший не торопился с перепиской пьесы. Но отец торопил, ведь он уже объявил конкурс среди театров Лондона на право постановки новой пьесы Шекспира. Уильям сердился на отца, выговаривая, что не может работать так быстро. Отец опять обзывал его непутевым. Да и то, какая работа – переписать пьесу, хоть и шекспировскую!

Ну а пока суть да дело, антиквар гордо представил старинную рукопись знатокам творчества Шекспира. Желтые листы произвели на шекспироведов такое глубокое впечатление, что они чуть не целовали их, преклонив колени. Словом, подлинность пьесы Шекспира была подтверждена, и неимоверно гордый Айрленд-старший продал право постановки в театр Друри-Лейн, предложивший самую большую цену – 300 фунтов в качестве аванса и 50 процентов от последующих сборов. В то время театр возглавлял знаменитый драматург Шеридан, который тоже счел пьесу подлинной и

с восторгом взялся за постановку. Только вот тут-то дело и застопорилось...

Началось с актеров. Они, переигравшие все творения Шекспира, неожиданно для всех засомневались в стиле бардовских строк. Потом кто-то вспомнил, что одна из метафор уже использовалась драматургом в другой пьесе, потом всплыла цитата из «Кориолана», за ней – из «Гамлета», хоть и немного поправленная. Актеры пригласили виднейшего шекспироведа Эмунда Мелоуна, бывшего до того времени на континенте и не сумевшего ознакомиться с текстом «Вортигерна».

И вот Мелоун изучил пьесу. Вердикт был уничтожающим: перу Шекспира она не принадлежит. Мало того что в ней имеются компиляции, но в тексте использованы детали позднего времени, которые Шекспир не мог знать, современные названия, которые звучали совершенно иначе во времена Барда, и т. д. и т. п. Свои выводы Мелоун опубликовал в книге «Изыскания о подлинности некоторых рукописей, приписываемых Шекспиру». Ну а поскольку книга не может выйти столь быстро – к премьере найденной пьесы, Мелоун издал короткий, но едкий литературный памфлет.

Однако Шеридан не сдался. Премьера назначена на 2 апреля 1796 года. И она состоялась. Вот только у актеров был свой замысел. Зная, где огрехи в пьесе, актеры во главе с исполнителем заглавной роли – великим Джоном Кемблом – начали педалировать эти фразы, показывая всю несостоя-

тельность текста. И публика поняла исполнителей. Сначала раздались редкие смешки. Потом все громче и чаще. Зрители, коих набилось столько, что все проходы оказались занятыми, смеялись уже вовсю. Апофеозом стала фраза, произнесенная самим Кемблом: «Да пресечется дерзкая забава!» Всем стало ясно, что великий трагик говорит о самой пьесе. И зал дружно заулюлюкал.

Словом, пьеса-подделка провалилась с треском. Но возникли вопросы: «Кто автор мистификации, и притом столь умелой? Откуда ее взял Уильям Айрленд? Или это его папаша, помешанный на Шекспире, решил прославиться, а заодно и поводить всех за нос?!»

Репортеры и литераторы накинулись на беднягу антиквара. Ну а тот, в свою очередь, – на сына, потребовав адрес таинственного человека из Стратфорда, у которого сынок нашел все тексты. Но сын почему-то не мог назвать ни адреса, ни имени незнакомца. Ну а 5 июня 1796 года Уильям Айрленд и вовсе сбежал из дома отца под покровом ночи.

Узнав о таком бегстве, Самюэль обвинил всех нападающих на его семью в бесчеловечности – вот юноша не смог стерпеть несправедливых обвинений в нечестности и сбежал от позора. А в чем позор-то? Ну нашел 20-летний парнишка рукописи, ну подумал, что это Шекспир. Разве за это надо обвинять?! Да и какие вообще могут быть обвинения, если рукописи были показаны всем ученым-шекспироведам и ими же признаны подлинными?!

Словом, скандал разгорелся не на шутку. Газеты обвиняли не Уильяма. «У юноши не хватило бы образования на такую аферу! – писали они. – Это дело рук его образованного отца. Только он мог бы столь ловко выдать тексты, похожие на шекспировские, за подлинники!»

И тут грянул гром. Уильям Айрленд прислал письмо, где покаянно рассказал, что никаких «похожих старинных текстов» вообще не было. Он все их подделал! Взял старую бумагу XVII века из архивных дел, хранившихся на полках почтенного адвоката мистера Бингли, у которого работал клерком. Расспросил опытного сотрудника старой типографии, из чего делали чернила век назад. Скопировал подпись Шекспира, создав на основе написания ее букв «шекспировские тексты».

Разъяренный отец не поверил признанию сына. «Да мой бездарный отпрыск слишком ограничен, чтобы состряпать даже десять рифмованных строк! А тут поэтическая пьеса! – заявил Айрленд-старший. – Это вся ваша общественность его так запугала, что он несет бред! Неужели вы все не видите, что это подлинный Шекспир, а ваш Мелоун просто оклеветал наши находки из зависти. Сам-то он ничего не нашел!»

Не убедила отца даже объемная рукопись, присланная Уильямом, – «Подлинная история рукописей Шекспира», где Айрленд-младший подробно описал, как создавал каждую «старинную страницу», откуда брал материалы для составления «Вортигерны и Ровены». Оказалось, зря папаша ругал

его необразованным и никчемным — для своего времени и своих лет Уильям был сверхобразован.

Но папаша не поверил и подробному рассказу сына. Больше того, решил, что Уильям встал на сторону его гонителей, и проклял наследника. Впрочем, тому это было уже все равно. «Я старался только для тебя! — написал он в прощальном письме. — Ты обожал Шекспира, и я возмечтал доставить тебе радость. Прочтя моего «Шекспира», ты восторгался им. А про меня сейчас говоришь, что я никчемный. Но ведь тот «Шекспир», которым ты восторгался, — это я!»

Больше Уильям отцу не писал. Он уехал сначала во Францию, где прожил девять лет, подрабатывая переводами и сочинением исторических работ. Оказалось, его знаний достаточно даже для того, чтобы написать довольно интересную четырехтомную историю «Жизнь Наполеона Бонапарта». И кто знает, если бы не юношеская авантюра с шекспировскими текстами, которую он провел только из желания угодить отцу, Уильям Айрленд мог бы стать известным историком и литератором. Вот только вернувшись на родину, уже 30-летний Уильям обнаружил, что хоть его исторические романы, пьесы и стихи печатаются лондонскими издательствами, но публика их не принимает, потому что помнит «бесстыдного авантюриста-фальсификатора», посягнувшего на самое святое имя Англии — Уильяма Шекспира.

Уильяма Генри Айрленда не стало в 1835 году. И вот гримаса авантюрной судьбы — никто не помнит ни одного назва-

ния его романов, но он включен во все энциклопедии мира.
Видно, подделать великое – тоже великое дело.

Тайна старинной табакерки

Барон Генрих Тиссен хозяйским жестом распахнул дверь небольшой выставочной залы, пропуская своего спутника, писателя Мориса Леблана: «Вот смотрите, мой друг!» Леблан удивленно уставился на разбитое стекло изящной витрины: «Типичная кража! И что похитили?» Барон недоуменно развел руками: «В том-то и загадка, что ничего!»

Странная кража на парижской выставке

Тонкие пальцы барона с нежностью вынули из разбитой витрины маленькую вещицу: снизу золотая коробочка для табака, а поверх нее изящная фигурка лежащей собачки-мопса. «Смотрите, какая работа – настоящий мейсенский фарфор середины XVIII века. Таких вещей в мире почти не сохранилось. Устроители выставки «1910: 200 лет мейсенского фарфора» упростили меня предоставить ее для показа, уверяя, что это совершенно безопасно: центр Парижа, знаменитый дом на углу Итальянского бульвара и Шоссе-д'Антен, где некогда жили и композитор Россини, и писатель Дюма-сын. Публика, мол, повалит валом. Вот и повалила!..»

Леблан внимательно оглядел табакерку. Вещица прелестнейшая, сразу видно, образец настоящего искусства. Умели же старинные мастера делать шедевры, которые, между прочим, предназначались не для любования, а для обыденного пользования! Одно слово – ручная работа, не то что фабричные изделия, которыми полны магазины и лавчонки начала нынешнего XX века.

«Но зачем вы позвали меня, месье барон? – недоуменно осведомился он. – Я же писатель. Вам следовало бы обратиться в префектуру полиции!» Худощавый барон, фыркнув, выпрямился и стал, кажется, еще тоньше и выше ро-

стом. «Конечно, устроители выставки позвали полицию! Пришли двое полицейских, оглядели разбитое стекло витрины и поинтересовались: что пропало? Когда узнали, что ничего, тут же ушли. Еще и ворчали, что по случаям мелкого хулиганства они дел не заводят».

«Но возможно, и вправду кто-то случайно разбил стекло», – протянул Леблан. «Нет, мой друг! Взгляните на золотое основание табакерки. Ее явно пытались открыть, и весьма грубо. Вот царапина!» – «Но зачем вообще ее открывать? Выходит, в ней что-то искали?» – «Вот в этом вы и должны помочь мне разобраться! – Барон в нетерпении стукнул тростью по полу. – Вы писатель, автор самых модных ныне детективных романов. Ваш герой Арсен Люпен – блестящий аристократ и удачливейший вор. У вас развитое воображение и дедуктивный строй ума. Вот и решите мою задачу – раскройте таинственное происшествие с табакеркой!»

Морис Леблан озабоченно заморгал: к чему клонит этот любитель антиквариата? Литература – одно, а реальные происшествия – совсем другое. Тем более какое-то странное дело о разбитой витрине. Конечно, Генрих Тиссен привык повелевать, ведь он любимый сын Августа Тиссена, которого ныне именуют не иначе как немецким «стальным королем». Такие уверены, что весь мир вертится вокруг них. Генрих даже аристократический титул себе приобрел – женился четыре года назад, в 1906-м, на венгерской баронессе Маргит Фрейен Борнемисса. А поскольку та была последней

представительницей старинного рода, сам император Австро-Венгрии Франц-Иосиф в качестве приданого даровал титул ее мужу. Так что теперь он гордо именуется бароном Тиссен-Борнемисса.

Писатель гордо вскинул голову. В самом деле, он совершенно не обязан угождать прихотям новоявленного аристократа. Да и вообще, прошли те времена, когда он, голодный и нищий, готов был зарабатывать на хлеб любым путем. Трудился на фабрике в Руане, потом, перебравшись в Париж, строчил статейки в бульварные газетенки. Подвизался на театральном подмостках, пытался писать романы под «натурализм Золя», под «психологизм Флобера». Но все его опусы проваливались, не принося ни морального, ни материального удовлетворения. В конце концов Леблан стал обозревателем криминальной хроники в газете «Фигаро» и вдруг понял: это золотая жила.

Пять лет назад, в 1905-м, он уговорил известного издателя Пьера Лафита напечатать рассказ «Арест Арсена Люпена». Ловкий, красивый и обаятельный герой, эдакий современный Робин Гуд, успешно ворующий у богачей и обводящий вокруг пальца тупых полицейских, понравился читателям. А когда в 1907 году появился роман «Арсен Люпен – благородный грабитель», Морис Леблан проснулся знаменитым. Так почему же теперь он вдруг должен выполнять поручения какого-то богатого коллекционера?!

«Но неужели вас не привлекает загадка? – донесся до него

соблазняющий голос барона. – Ясно ведь, что здесь тайна! Полиция никогда не докопается до нее. Только вы с вашим пронизательным умом сможете решить такую задачу!» – «Но я...» – начал было Леблан. Однако барон перебил его: «Ваш издатель, месье Лафит, пообещал, что вы постараетесь разобраться!»

Леблан скрипнул зубами. Да уж, против воли издателя не пойдешь! Пять лет назад не искушенный в книжных делах Морис подписал с ним контракт на десять лет: все права на книги начинающего писателя принадлежат Лафиту, автору же выплачивается фиксированный гонорар. Разве мог он тогда знать, что станет знаменитым? Да на одних потиражных он уже нажил бы состояние! Но теперь остается только локти кусать и во всем потакать издателю, ожидая, что тот заплатит гонорар побольше. Глупейшая ситуация! Но разве искать хулигана, разбившего витрину, умнее? Но, видно, придется.

«Я не прошу вас ловить того, кто разбил витрину, – снова донесся до Леблана ласково-искушающий голос барона. – Я прошу вас помочь мне понять: почему он сделал это? Вы станете моим консультантом. Конечно, я понимаю, что ваше время дорого, но я не постою за расходами». Тиссен вынул из роскошного тугого бумажника пачку хрустящих купюр. Морис сглотнул – да это же сумма чуть ли не двух его книжных гонораров. «После раскрытия тайны вы получите еще столько же. К тому же узнаете историю реального преступления в мире искусств, с которым так часто сталкивается ваш Арсен

Люпен на страницах романов. Подскажите мне, как мог бы ваш герой, с чего надо начать расследование?»

Загадка фарфоровых мопсов

Писатель обреченно вздохнул: угораздило же его вляпаться в эту историю. Впрочем, вдруг она окажется интересной? Тогда можно было бы вставить ее в одну из книг. Ведь загадочные и таинственные сюжеты всегда привлекают читателей. «Ну, прежде всего, – промямлил Леблан, – хотелось бы понять: чем уникальна именно эта табакерка, почему вор ищет что-то в ней?»

Барон победно блеснул глазами и улыбнулся, укладывая фарфоровую фигурку в специальный прочный футляр: «Пойдемте со мной в гостиницу, и я расскажу вам историю табакерки!»

В гостинице, находившейся неподалеку, барон Тиссен занимал огромные апартаменты из трех комнат, обставленные антиквариатом с той нарочитой небрежностью, которая стоит дороже самой безумной роскоши. Широким жестом хозяин предложил гостю на выбор коробки гаванских сигар и напитки из бара, а сам начал рассказ:

«Впервые о табакерке с мопсом упоминается во французских хрониках времен королевы-отравительницы Екатерины Медичи. Она страдала приступами жестокой мигрени, и придворный лекарь Жан Нико предложил нетрадиционное лечение – нюханье табака, растертого в порошок. В то время табак, недавно привезенный из Америки, считался растени-

ем неведомым и даже ядовитым. Но Медичи нюхательный табак помог. И она решила поделиться новым «лекарством» с одной из своих фрейлин. И так уж случилось, что бедная девушка в ту же ночь почувствовала себя крайне плохо, а к утру умерла. По дворцу поползли слухи, что королева, которую и так все боялись до одури, отравила бедняжку!»

«Так, может, вор искал в табакерке старинный яд?» – ахнул Леблан. «Нет, она пуста! – Барон ловко распахнул золотые створки. – Да и эта табакерка – не та, которую носила с собой Екатерина Медичи. Та была точно такая же, но привезенная из далекого Китая. Во времена Медичи европейцы еще не умели изготавливать фарфор. Только в начале XVIII века, то есть ровно двести лет назад, известный алхимик Иоганн Фридрих Бетгер смог раскрыть секрет изготовления «белого золота». И курфюрст Саксонский повелел создать в старинном замке городка Мейсен первую в Европе фарфоровую мануфактуру. Все производство проходило в атмосфере строжайшей тайны – за разглашение рецепта фарфора полагалась казнь не только предателя, но и всей его семьи. Так вот одной из первых фигурок, созданных в Мейсене, и стала копия табакерки Екатерины Медичи. Саксонские мастера доказали, что их фарфор ничуть не хуже китайского».

Писатель слушал барона, открыв рот от изумления. Он-то всегда думал, что современные миллионеры – чистые неучи. Действительно, зачем им обременять мозги образованием,

когда они в любой момент могут нанять себе учителей, консультантов, помощников. Но этот 35-летний сынок «стального короля» обладал настоящей эрудицией. Факты и сведения сыпались из него, как из заправской энциклопедии. Впервые в жизни Леблан услышал, что самыми многочисленными покупателями «белого золота» с конца 1730-х годов были масоны. Когда в 1738 году папа римский запретил католикам вступать в братства «вольных каменщиков», масоны стали объединяться в тайные ложи. Но для того, чтобы узнавать «своих», им понадобился секретный знак, вот они и сделали мейсенские фигурки с мопсом своеобразным паролем. И маленькая табакерка идеально подошла для такой роли. Она помещалась в кармане, и ее можно было вынуть в любой момент, не вызывая подозрений у посторонних.

«Так, может, здесь какая-то масонская тайна и в табакерке могло быть зашифрованное послание?» – встрепнулся создатель Арсена Люпена. «Нет, мой друг! – покачал головой барон. – У собачек, предназначенных для масонов, были масонские символы на ошейнике. У моей же собачки там выгравирована надпись *Toujours Fidele*, то есть «Всегда верна». Говорят, правда, что похожую табакерку купил в середине XVIII века русский посланник в Саксонии и впоследствии преподнес императрице Екатерине II. Рассказывают даже совершенно невероятную историю о том, что императрица в пику всяким мужским «братствам» создала при своем дворе в Петербурге женский орден. Дамы, которые входили в

него, собирались раз в месяц и обсуждали насущные проблемы общества. Представляете, друг мой: под покровом ночи красавицы в старинных одеждах, с драгоценностями на глубоких декольте тайно пробираются в малый салон императрицы и при входе каждая предъявляет вот такую собачку».

«Роскошный сюжет! – Леблан залпом осушил рюмку коньяка. – Однако вы сказали, что русская императрица получила только одну собачку. Откуда же взялись другие?» – «О, русские – мастера на все руки! Через три десятилетия после Бетгера они тоже раскрыли секрет изготовления фарфора. Ну а уж по мейсенскому образцу на Императорской фарфоровой мануфактуре можно было изготовить любые фигурки». – «Но тогда мир должен быть наводнен подобными табакерками!» Барон Тиссен философски прикрыл глаза: «Увы, за полтора столетия все теряется, бьется, пропадает. Тем, чего обычно бывает много, никто не дорожит. Когда полгода назад решили устроить выставку, посвященную мейсенскому фарфору, нашлась только одна подлинная табакерка с мопсом – у меня. Правда, организаторы сообщили, что якобы сохранилась еще парочка экземпляров в небольших частных коллекциях, но на их хозяев так и не смогли выйти».

«Однако, – писатель нервно побарабанил пальцами по инкрустированной поверхности стола, – все эти превосходные истории нам мало что дают. Ведь они не об этой конкретной табакерке, а о ее, так сказать, сестрах-близняшках. А что вы знаете именно о ней?» – «Мой отец говорил, что эта та-

бакерка, изготовленная в 1756 году, некогда принадлежала курфюрсту Саксонии и королю Польши Августу III». Леблан откинулся на спинку кресла: «Что ж – отсюда и начнем!» – «Что?» – не понял барон. «Поиски! Конечно, мой герой Арсен Люпен опросил бы каких-нибудь высокопоставленных родственников по монаршей линии, чтобы узнать семейные предания об Августе III. Но у меня таковых родственников не имеется, так что я пойду в библиотеку и полистаю старинные фолианты – в те времена придворные обожали писать мемуары».

Секретный подарок курфюрста

Неделю писатель просидел на шатких стульях библиотек Сорбонны, Лувра, Версаля. Наконец ему попались записки некоего барона Неймана, подвизавшегося при саксонском дворе. И сведения, содержащиеся в них, оказались столь интересны, что Леблан без предупреждения пожаловал ранним утром в гостиничный номер барона Тиссена.

«Послушайте! – заявил он с порога. – Я натолкнулся на весьма любопытную историю. Оказывается, Август III летом 1756 года пожаловал в Мейсен и решил приобрести подарок своей августейшей супруге. Жену свою, принцессу Марию-Йозефу из знаменитого дома Габсбургов, он обожал, прожил с ней больше сорока лет и нажил аж пятнадцать детей. Но когда курфюрсту было уже под шестьдесят, что-то в их жизни разладилось и он стал заглядываться на одну из молоденьких фрейлин по имени Кристина. Ну, словом, седина в бороду – бес в ребро. И вот, покупая жене в Мейсене табакерку с фарфоровой собачкой, Август решил приобрести такую же и для своей любовницы. А там как раз весьма удачно только что сделали небольшую партию таких вещиц. Но если для супруги курфюрст взял обычную табакерку, то в той, которая предназначалась любовнице, приказал сделать «секрет» и отослать подарок нарочным. Правда, как сообщает саксонский барон Нейман, до возлюбленной курфюр-

ста Августа табакерка так и не дошла: нарочного ограбили по дороге. Вот я и думаю: если в табакерке было секретное отделение, значит, Август в него что-то положил. Какой-то тайный подарок, чтобы, если, не дай бог, табакерка попадет к жене, та ничего особого не нашла. Правда, это пока только мои домыслы...» – вздохнул писатель.

Но тут вдруг дверь гостиной распахнулась, и на пороге возник взволнованный секретарь барона Тиссена: «Ваша светлость, мне только что позвонили организаторы выставки. Какое странное происшествие! Оказывается, в небольшом частном музее где-то в Богемии злоумышленник точно так же разбил витрину, но экспонат не тронул, только выбросил на пол. И знаете, что это был за экспонат? Такая же табакерка с мопсом, как и ваша!» – «Значит, мы на правильном пути! – воодушевленно воскликнул Леблан. – В «секрете» одной из табакерок что-то есть. И вор ищет это!»

Взволнованный барон Тиссен вскочил с кресла: «Кажется, я даже знаю, что он ищет!» Через полминуты он уже вышел из своей спальни с журналом, свернутым в рулон. «Пару недель назад Британский музей опубликовал «Хронику особых находок Хабахталя». Сейчас найду!»

Барон начал лихорадочно листать журнал. Секретарь же, повернувшись к писателю, быстро зашептал, объясняя: «Хабахталь – это рудник в Альпах, где добывают изумруды. Говорят, что именно из этих мест был уникальный изумруд размером с голубиное яйцо, который принадлежал еще рим-

скому императору Нерону. А в соборе Зальцбурга до сих пор выставлен огромный камень, найденный в XVII веке. В наше время Хабахтальский рудник находится в концессии у англичан. Вот они и издали «Хронику особых находок».

И тут Тиссен наконец-то нашел нужную страницу: «Вот! Здесь говорится, что весной 1756 года хабахтальские старатели нашли огромный изумруд, и австрийская императрица Мария-Терезия приказала отослать его своему союзнику курфюрсту Августу III в знак августейшей привязанности. Послы должны были вручить камень лично курфюрсту. А тот в это время находился в Мейсене, куда они и отправились». – «Ну а Август, получив изумруд, положил его в качестве подарка в тайное отделение табакерки, такой же, как ваша! – подытожил писатель. – Сколько, вы говорили, барон, осталось этих табакерок в наше время?» – «Три. Но две вор уже обыскал! Остается третья. Но где она? Может, устроители этой парижской выставки знают? Свяжитесь с ними еще раз, Пауль!» – приказал Тиссен секретарю.

Молодой человек кивнул и кинулся выполнять приказание, а барон достал из сейфа свою табакерку. Вдвоем с писателем они еще раз тщательно осмотрели фигурку и пришли к единому выводу: секретное отделение должно было находиться к теле самой собачки – недаром фигурка была полой. Если и вправду в третьей табакерке найдется изумруд, тогда вор станет богачом. Изумруды же – самые дорогие камни в мире!

Но ни подтвердить, ни опровергнуть выводы своего расследования писатель и коллекционер пока не могли. К тому же имя владельца третьей табакерки никто не знал. Так что оставалось одно – ждать.

Прошло три месяца. Выставка в Париже закрылась. Барон Тиссен-Борнемисса увез свою табакерку с собачкой домой в Будапешт. Писатель Леблан уже успел настроичить очередную книгу о похождениях благородного вора Арсена Люпена, не забыв рассказать в ней о похищении старинных драгоценностей. Но однажды в его квартире на Монмартре раздался телефонный звонок. Взволнованный голос барона Тиссена произнес: «Я в Париже. В той же гостинице на Итальянском бульваре. Приходите сейчас же!» И Морис Леблан понял – расследование продолжается.

Барон встретил его с газетой в руке: «Вот недавний номер «Нью-Йорк таймс». Здесь рассказывается о том, как местный фабрикант по фамилии Моррис решил продать доставшуюся ему в наследство коллекцию старинных фарфоровых фигурок. В искусстве он ровным счетом ничего не смыслил, но самоуверенно утверждал, что среди его вещей находится табакерка с мопсом, которой якобы владела сама Екатерина Медичи. Именно по этой рекламе его и нашел мой секретарь. Но нашел и злоумышленник. Наше предупреждение опоздало: вор ударил мистера Морриса по голове, забрал табакерку и разбил фарфоровую фигурку». Писатель ахнул: «Неужели нашел изумруд?» – «Не исключено. Во всяком случае, в

осколках фарфора обнаружилась секретная пружинка. Очу- хавшийся мистер Моррис сильно оцарапался о нее, пытаясь склеить осколки. Оказалось, посредством пружинки фигур- ка просто приподнималась над самой золотой табакеркой». — «Значит, мы были правы! Жаль только, что «секрет» нашел- ся не в нашей собачке! — И писатель, налив себе коньяку, залпом осушил рюмку. — Остается только следить, не всплы- вет ли изумруд. Вор же будет пытаться его продать».

Леблан оказался прав. Через год на ювелирном аукци- оне в Амстердаме частному лицу, пожелавшему остаться неизвестным, был продан неизвестный доселе большой изу- мруд. Продавец заявил, что это старинная семейная драго- ценность, и в доказательство предъявил бумагу, из которой значилось, что его предок, барон Нейман, за верную службу был награжден сим камнем саксонским курфюрстом и поль- ским королем Августом III.

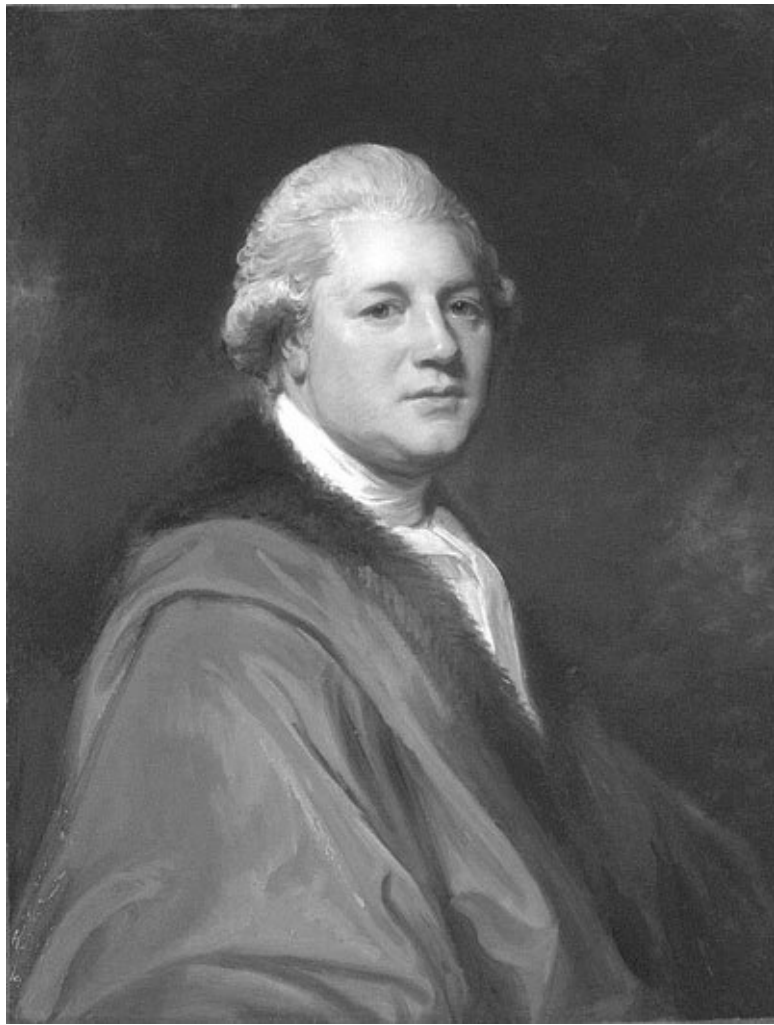
«Но вы же можете доказать, что этот «потомок» — баналь- ный вор, укравший изумруд из табакерки мистера Морри- са! — возмущенно написал Леблан Тиссену-Борнемиссе. — Это мне, писателю, никто не поверит. Все свалят на творче- ское воображение. Но вы же — уважаемый промышленник!»

Однако промышленник не стал ввязываться ни в какие разбирательства. Тем более что и объявившийся Нейман, и проданный им изумруд испарились, как будто и не существо- вали вовсе. К тому же барона больше привлекали иные со- кровища — картины старых мастеров. Генрих Тиссен-Борне-

мисса сполна отдался страсти художественного коллекционирования, особенно после того, как унаследовал отцовский бизнес в Германии. Но при этом он никогда не расставался со своей старинной золотой табакеркой с фарфоровой собачкой, уверяя всех, что это его талисман. В 1932 году, предчувствуя наступление в Германии «нового порядка», барон вывез ее вместе со всей коллекцией в нейтральную Швейцарию, на свою виллу Фаворита близ Лугано. Ну а после Второй мировой войны коллекцию значительно преумножил его сын – барон Ханс Генрих Тиссен-Борнемисса, которому по наследству перешел и отцовский талисман – приносящая удачу старинная табакерка с мопсом. Огромное собрание, ставшее самой большой и самой ценной во всем мире частной художественной коллекцией, в которой представлены шедевры Рембрандта, Дюрера, Хальса, Ван Дейка, Гольбейна, Моне, Ван Гога и других великих мастеров, открыли для публичного посещения. После того как в 1985 году Ханс Генрих в пятый раз женился – на сей раз на испанской красавице Кармен Сервере, носившей в прошлом титул «мисс Испания», он перевез свою коллекцию на Пиренейский полуостров. А в 1992 году продал Испанскому государству за 330 миллионов долларов, что, впрочем, составляет едва ли пятую часть ее реальной стоимости. Ныне «Собрание Тиссен-Борнемисса» занимает большой старинный трехэтажный особняк в центре Мадрида, недалеко от великого музея Прадо.

Великая эпическая мистификация

Вначале 1760-х годов литературный мир Англии облетела невероятная весть: нашлись творения древнего поэта Оссиана. Сей легендарный кельтский бард, как оказалось, жил в III веке н. э. на западном берегу Шотландии и был сыном короля Фингала, правившего в тогдашнем государстве Морвен. Творения Оссиана вот уже пятнадцать веков пересказывались в народе. Частично забывались, но, приобретая заново сложенные строки, все равно возрождались, ибо рассказывали о ратных подвигах, отважных воинах и прекрасных девах. Поэмы были полны мужественного духа, романтики отважных битв и лирических любовных откровений. Удивительно, но эти прекрасные строки ритмизированной прозы никогда до этого не публиковались и – невероятно! – вообще не записывались ни одним литератором. Так что шотландской да и всей мировой литературе необычайно повезло! Неудивительно, что публикация творений древнего поэта Оссиана поразила и читателей, и литературоведов, произведя настоящий фурор.

Джордж Ромни. Портрет Джеймса Макферсона

Появлению же этих, как их окрестили, «Поэм Оссиана» общество оказалось обязано замечательному путешественнику и поэту Джеймсу Макферсону (1736–1796). Именно ему посчастливилось обнаружить древние поэмы, когда он путешествовал по затерянным местечкам Шотландии. Макферсон и до того весьма увлекался древней литературой своей страны. Он был сыном богатого шотландского фермера, который смог позволить себе послать наследника сначала в Абердинский Королевский колледж, а потом и в Эдинбургский университет. Получив образование, Джеймс Макферсон некоторое время работал преподавателем, но быстро подружился с известными исследователями, изучавшими древние языки, – доктором наук Александром Карлайлом и литератором Джоном Хьюмом. Именно эти известные мужи и разглядели талант Макферсона к древним языкам и литературе. Хьюм даже попросил Макферсона перевести со старогэльского языка на современный английский древнюю поэму «Смерть Оскара». И молодой переводчик справился так умело, что Хьюм опубликовал его перевод.

С тех пор Макферсон и сам начал ездить по местам, хранившим древние традиции, и собирать-записывать народные предания и легенды. И вот ему попались поэмы Оссиана – это же шедевр древней литературы! Почти два года Макферсон корпел над переводами поэм со старого «шотландского гэльского наречия», хоть и был отличным переводчиком. Но

справился! Умело, красочно и вдохновенно переложил стихи на современный английский язык. И к 1762 году издал целый сборник под длинным названием «Фингал, древняя эпическая поэма, в шести книгах, и некоторые другие стихи, сочиненные Оссианом, сыном Фингала; переведенные с гэльского языка».

Книга тут же была признана шедевром. Ее перевели на все европейские языки. Сам Гете поставил Оссиана рядом с Гомером. Более того, Гете ввел упоминание «Поэм Оссиана» в текст своего «Вертера», а это ставило поэмы уже в разряд культовых вещей мировой литературы. Начались и «подражания великому кельту». Даже русские поэты – Державин, Карамзин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов и другие – создали немало стихов «из пересказов Оссиана» или «из времен древнего барда». По всему миру люди, зачитавшись великими строками, называли своих детей в честь героев книги. Например, известно, что французский маршал Бернадот, любимец Наполеона, дал своему сыну имя Оскар в честь сына Оссиана. И если учесть, что маршал Бернадот впоследствии стал королем Швеции, то и его сын впоследствии возшел на трон под именем Оскара I. Так древнее имя вернулось на монарший престол.

Макферсон стал мировой знаменитостью, а его деятельность получила солидную финансовую поддержку. За свои заслуги перед культурой Великобритании он был избран членом парламента, прикупил большой участок земли, вы-

строил дом. Умер в 1796 году на шестидесятом году жизни и был похоронен в Вестминстерском аббатстве рядом с великими сынами Отечества.

Только вот не все литераторы и ученые поверили в подлинность его «находки древней изустной поэмы». Сомнения в подлинности оссиановских текстов периодически возникали еще при жизни Макферсона. Сразу же после публикации «Фингала» английский священник, доктор теологии и истории Уорнер, перечислил ряд странных ошибок в именах героев поэмы, удивляясь, неужели Оссиан не знал, как зовут его родню? Ведь у Макферсона бард называл одни имена, а в древних рукописных списках упоминаются совсем иные. Более того, заметил доктор Уорнер, биография «шотландского кельта» Фингала взята из истории жизни ирландского героя-правителя Финна. Но если же признать, что Финн и Фингал – одно и то же лицо, то в истории Ирландии – Шотландии вообще начинается неразбериха.

В 1766 году историк Чарльз О'Коннер в своем труде «Рассуждения об истории Ирландии» отметил, что Оссиан не знал и мест, где проживал, и где велись сражения, им описываемые. Но ведь их названия тоже сохранились, и о них можно узнать из древних рукописей.

Наиболее рьяные критики требовали, чтобы Макферсон предъявил оригиналы своих записок, которые должны были быть на «гэльском шотландском диалекте», ведь в предисловии книги значится, что именно его записывал Макферсон

со слов стариков, живущих на западном побережье Шотландии и сохранивших в памяти все эти старинные поэмы Оссиана. Однако Макферсон тогда в ярости заявил, что поклялся никому не показывать своих записок на гэльском языке, ибо враги его стремятся их уничтожить. Более того, неукротимый и взрывной по характеру, Макферсон считал все нападки и вопросы личным оскорблением и начал вызывать литературных противников на реальные дуэли. Сам же стал выходить из дома с увесистой палкой для защиты. В общем, всем было показано, сколь трудно издавать гениальные творения. И читательская общественность потребовала от критиков прекратить «разные там расследования».

После смерти Макферсона критики накинудись на его архивные бумаги, но обнаружили только черновики на английском языке. И ни одного варианта на гэльском. Так с чего же он переводил?! Современные же историки твердо считают, что он и не переводил – он сам сочинял гениальные «Поэмы Оссиана». К тому же историки подчеркивают, что Макферсон оказался не сведущ не только в именах и названиях, но и не знал истинных обычаев древних кельтов. Ну а в дневниках Макферсона остались сожаления о том, сколь трудно писать «истинные стихи, но никогда не посчитаться гением». Это же почти признание.

Неудивительно, что ровно через сто лет исследователь гэльских баллад Дж. Ф. Кэмпбелл написал, подытоживая все литературные споры о макферсоновской мистификации:

«Ныне я убежден, что ОССИАН Макферсона – великое оригинальное творение, написанное именно в то время, когда и было опубликовано – в 60-е годы XVIII столетия...»

Вот так – великое творение. И точка.

Явление Мадонны

В мире всего около десятка признанных картин великого Леонардо да Винчи. И две из них находятся в зале легендарного петербургского Эрмитажа. Если подняться на второй этаж по бывшей Советской лестнице и повернуть направо, то в зале № 214 можно увидеть ранний шедевр Леонардо да Винчи – «Мадонну Литта». Посетители всегда замирают перед этой небольшой, но прелестной, завораживающей картиной. И мало кто знает, что ее появление в Эрмитаже достойно самого удивительного – авантюрного и любовного – романа.

Сокровища старинного рода Литта

Джулио Литта, командир военного корвета «Пелегрино», более месяца стоявшего на неаполитанском рейде, взглянул на развивавшийся над его кораблем красный флаг с белым крестом и тяжело вздохнул. Еще бы – он давно уже должен был отплыть на Мальту, но все еще медлил с приказом сняться с якоря.

«Не иначе наш капитан влюбился, – шептались между собой бывалые матросы. – Ну да с кем не бывает, дело-то молодое».

Литта действительно был молод. Его огромный рост, загорелое лицо и пышущие румянцем щеки говорили о том, что у этого великана отменное здоровье. А белый восьмиконечный крест, вышитый на груди, извещал любого, что перед ним – рыцарь славного Мальтийского ордена.

В его ряды граф Джулио Ренато Литта Висконти-Арезе вступил еще 8 лет назад, в 1780 году, когда ему едва исполнилось 17 лет. Орден принял его с распростертыми объятиями, ведь Джулио принадлежал к сливкам итальянской аристократии. В его семье объединились два самых богатых и древних рода Милана – Литта и Висконти. А к 25 годам Джулио уже проявил себя отважным воином. Его сделали командором, доверив командование одним из боевых кораблей. Не раз его корвет участвовал в смелых морских операциях,

сражаясь с турками и алжирскими пиратами, освобождая из разбойничьего плена захваченных в рабство христиан. Сам глава Мальтийского ордена, Великий магистр герцог де Роган, отличал молодого Литту. Словом, ни о каких печалях и вздохах не могло быть и речи. Но Джулио все-таки вздыхал.

Вот и сейчас он, перескакивая через ступеньки винтовой лестницы, спустился с палубы в капитанскую каюту. У двери, как обычно навтыжку, стоял дежурный: командор ордена мог возить секретные бумаги. Джулио вошел, захлопнув за собой дверь. Если бы только матросы знали, какую тайну он возит с собой!

Дрожащими руками Литта открыл замок походного сундука, достал плотный футляр коричневой кожи, откинул крышку и, как всегда, от восторга затаил дыхание. Вот оно – его сокровище, его картина! Прекрасная юная мать кормит младенца. Ее нежные руки заботливо держат сына, взгляд обволакивает его теплом и лаской. «Мадонна с младенцем» великого Леонардо да Винчи...

О картине не ведал даже Великий магистр. По уставу члены ордена не имели права на предметы личной роскоши. Но эта картина не могла быть роскошью – она была Мадонной. И Джулио, спрятавший ее в сундуке среди одежды, не видел греха в таком утаивании. И когда выдавалась свободная минутка, вынимал картину из кожаного футляра и смотрел. Долго. Пристально. Пока взор не туманился и не начинало казаться, что таинственная Мадонна и ее младенец тоже на-

чинают смотреть на него, Джулио Литту.

Леонардо да Винчи. Мадонна Литта

Откуда картина, написанная Леонардо на небольшой доске, взялась в семействе Литта, доподлинно неизвестно. Существовала, правда, легенда, по которой выходило, что великому художнику позировала одна из красавиц этого старинного миланского рода. Поговаривали, что она была влюблена в Леонардо и тот даже ответил ей взаимностью. Впрочем, за триста лет события прошлого покрылись мраком – быть и небыль смешались.

Но из истории было точно известно, что Леонардо действительно в 1480-х годах жил в Милане. Художнику было лет сорок пять, и он приехал по приглашению правителя города – герцога Лодовико Моро. Уже тогда вся Италия признавала Леонардо великим. Но на службу к Моро он поступил скорее не как художник, а как фортификатор, военный инженер. Милан воевал с французами, и Леонардо создавал проекты по защите города. Говорят, даже пытался создать летательный аппарат и лодку, способную двигаться под водой.

И вот посреди всей этой жестокой военной действительности Мастеру удалось создать картину такой гармонии и возвышенной красоты. Мать и младенец – это ли не вечное продолжение жизни?

Джулио с детства любил эту картину больше всех сокровищ отчего дома и, уезжая на Мальту, взял ее с собой. И

видно, не случайно! Но разве мог он, молодой моряк, вообразить, глядя на леонардовский образ, что встретит живую женщину, похожую на эту прекрасную и нежную Мадонну?

Загадочный граф Скавронский

Еще пару месяцев назад это казалось невозможным. В то время Литта с особым поручением Великого магистра направлялся в Неаполь. От имени ордена он должен был связаться с русским посланником и заручиться помощью России в борьбе с турками. Абсолютно мужские переговоры по важным политическим делам. Откуда бы взяться женщине? Но русский посланник, граф Павел Мартынович Скавронский, как на грех, оказался женат.

Шикарную резиденцию Скавронского Джулио отыскал быстро. Да и как не отыскать! Русский граф обосновался прямо в центре Неаполя в самом шикарном отеле – палаццо «Наполи». Из Петербурга прибыли четырнадцать возов его вещей и привычной домашней обстановки, более сотни слуг и крепостной челяди. Широким жестом граф оплатил десять лет проживания в отеле, а других постояльцев приказал гнать вон.

Литта прибыл на обед к Скавронскому за четверть часа, как того требовали приличия. Дворецкий встретил гостя весьма странно – фразой нараспев. Сам хозяин приветствовал входящего Литту еще более чудно. «Мой новый друг, мой незабвенный, я рад тому, что вы со мной!» – пропел он по-итальянски, пришепетывая и отчаянно фальшивя.

Джулио вскинул бровь и огляделся по сторонам. Он слы-

шал, что на вошедших в моду маскарадах стало принято распевать арии из новых опер. Но фраза, пропетая хозяином дома, звучала слишком коряво и напыщенно. Но тут отворились двери столовой и раздался громкий баритон метрдотеля: «Обед уж подан! К столу спешите. И в нем усладу свою найдите!»

Стол оказался огромен – человек на сто. Джулио усадили довольно далеко от хозяина. Но это оказалось спасением, ибо ошарашенный Литта не смог бы поддержать должной беседы: Скавронский обращался к гостям вокальными импровизациями. И те отвечали так же.

«Это что – новая мода?» – постарался вывести мальтиец у своего соседа, знакомого неаполитанского негоцианта. «Нет! – хмыкнул тот. – Это страсть синьора Скавронского. Он не мыслит жизни без музыки. Всю прислугу заставил разговаривать речитативами. А кучер его, привезенный из России, вопит на улицах Неаполя таким густым и сильным басом, что в близлежащих тратториях лопаются стаканы. Да что прислуга! Этот музыкальный чудак даже собственных юных дочерей называет не иначе как Аллегрой и Гармонией и общается с ними только посредством назидательных арий, которые сам же и сочиняет». – «Так он еще и композитор?» Собеседник вздохнул: «Мнит себя таковым. В первый же день по приезде пригласил к себе местную оперную труппу. С тех пор ежемесячно самые знаменитые певцы и примадонны исполняют его галиматью. А весь Неаполь об-

хохатывается». – «Но зачем же певцы поют такое?» – «Деньги, мой юный синьор! Скавронский баснословно богат. Его дед был братом русской императрицы Екатерины I, супруги Петра Великого. Говорят, императрица Екатерина-то была из простых чухонки. Когда русские солдаты взяли ее в плен, она им исподнее белье стирала. Ее так и звали – портомойка. Да вот как судьба повернулась – сам император Петр Великий в нее без памяти влюбился! Правда, родственнички-то ее все в северных землях где-то остались. Долго их потом по приказу Екатерины искали. Да только вот, едва она братца-то завидела, в ужас пришла – не умыт, не ображен, не обучен никаким манерам. Екатерина уж и решила от него отказаться. Да Петр не позволил. Сказал: «Ну и что, что без манер. Коли мне подходит в шурины, так тебе тем паче в братья сойдет!» Видно, понравилась Петру простая родня-то. Мудрый был правитель. А Павел Скавронский ныне-то – единственный наследник всего рода. При желании может скупить хоть пол-Европы. Ну а певцам такие деньги платит, что тут уж не до оценки его музыки. За такие средства хоть свиньей захрюкаешь».

Джулио Литта возвел очи к небесам: как же ему вести переговоры с таким меломаном? Может, он уже и не понимает нормального разговорного языка?

И в это время в наступившей паузе вдруг раздался спокойный женский голос, произнесший что-то на незнакомом Литте русском языке, но явно не речитативом. Сам Скав-

ронский повернулся к светловолосой женщине, сидевшей по правую руку от него, приготовился залиться соловьем, но вдруг ответил что-то просто и односложно. И вид у него, до того напыщенный и важный, вмиг сделался упрасливающим и почти униженным.

«Госпожа Екатерина Скавронская сказала мужу, что у нее разболелась голова и она желает уйти в свои покои, – перевел Литте негоциант. – Муж очень просит ее остаться. Но она весьма своенравна. Недаром ее зовут русской Дианой. Эта богиня тоже была своенравна и холодна».

Джулио внимательно взглянул на хозяйку дома. Небольшого роста, но сколько грации и стати! Жаль, что с его места не видно лица. Но как повелевает мужем! Не только не собирается распевать с ним дуэты, но и не желает дожидаться конца обеда, что весьма невежливо.

Впрочем, и у самого Джулио к тому времени голова пошла кругом от всей этой музыки. Ему просто необходимо было хоть на минуту выбраться на свежий воздух. Пошатываясь, он вышел в коридор, но, заблудившись в огромном доме, оказался там, куда не должны входить гости, – во внутреннем дворике. День уже клонился к закату. Жара сменилась предвечерней прохладой. Последние нежные лучи солнца давали такой же призрачный свет, как таинственное сфумато на картинах Леонардо да Винчи. Джулио рассеянno поднял глаза и...

Она лежала на алой кушетке, закрытая накинутой собо-

льей шубой. И только нежные белые руки покоились поверх мягкого меха. Услышав неожиданные шаги, она порывисто поднялась и обернулась. Меховая шубка съехала вниз, обнажив розовую грудь, словно на той самой картине Леонардо, где мать кормит грудью ребенка. И Джулио вдруг ощутил себя этим самым беззащитным ребенком, которому просто жизненно необходимо приникнуть к этой груди.

«Кто вы?» – по-французски изумленно воскликнула красавица. Джулио молчал. Только страстно смотрел на живую женщину, будто сошедшую с его обожаемой картины. «А, вы уж здесь? – напевным козлетоном прозвучало за спиной. – Знакомьтесь, командор. Пред вами моя жена – Екатерина. А это, душенька, наш гость – мальтийский рыцарь Литта Джулий!» И граф Скавронский вновь залился какой-то сложной фиоритурой, совершенно не замечая, что жена его возлежит перед незнакомцем в одной шубке, накинутой на голое тело.

На корабль Литта заявился как пьяный. С тех пор все и началось. Не раз он бродил вокруг палаццо Скавронских, не решаясь войти. Но иногда в отсутствие графа решался переступить порог. И тогда мог подолгу беседовать с русской красавицей. При этом Екатерина почти всегда полулежала под своей шубой, ничуть не смущаясь посетителя. Иногда она томно вздыхала и лениво поворачивалась. Но ни разу – ни вздохом, ни взглядом – она не попыталась соблазнить Джулио. И только однажды она прошептала: «Я узнала, что Мальтийский орден – все равно что монашествующий?»

Литта склонил голову: «Увы, мы даем обед безбрачия».

С тех пор он часто спрашивал себя: не потому ли прелестная Екатерина Васильевна не смущается, что не видит в нем мужчину?

Но как же он мучился ночами! Днем было легче. Джулио занимался то делами, связанными с оснасткой корабля, то переговорами со Скавронским. Как ни странно, но, узнав о дипломатической миссии Литты, Павел Мартынович перестал распевать перед ним свои арии и перешел на обычный итальянский язык. И они тут же поняли друг друга. Скавронский послал срочную депешу в Санкт-Петербург. Оттуда пришел незамедлительный ответ: Россия обещала Мальтийскому ордену поддержку в борьбе с турками. Словом, миссия Литты была выполнена. Но заставить себя покинуть Неаполь он не мог.

А через несколько дней на грязную и вонючую дощатую мостовую порта въехала роскошная карета с шестеркой цугом. Взволнованный и обескураженный Литта, выбежав на палубу, увидел герб Скавронских и застыл.

Разодетая по последней моде Екатерина Васильевна, подбрав юбки, ничуть не смущаясь ни грязи, ни запаха, прошла по сходням на корвет. Пораженные таким «визитом за просто», матросы даже не построились на палубе, как полагалось, а только, сгрудившись, начали пялиться на роскошную красавицу. Но и это ни капельки не смутило ее. Графиня подошла к пораженному командору и проговорила, как

само собой разумеющееся: «Хочу посмотреть, как вы тут».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.